

ТОТ, КОГО НЕЛЬЗЯ ЛЮБИТЬ

— Елена Громовская —

Елена Громовская

Тот, кого нельзя любить

«Автор»

2026

Громовская Е.

Тот, кого нельзя любить / Е. Громовская — «Автор», 2026

Третий год войны. Деревни лежат в руинах, госпитали переполнены, а люди по обе стороны фронта продолжают убивать друг друга, исполняя приказы и называя это необходимостью. Военная целительница получает задание, от которого не может отказаться: доставить пленного имперского мага в Особое присутствие. Его показания могут приблизить перемирие, а потому он должен добраться до места живым. В дороге Анна узнаёт Марка ближе. За именем врага, военной формой и опасным магическим даром постепенно проступает человек — со своим прошлым, страхами, виной и поступками, за которые ему придётся отвечать. Человек, который тоже устал от войны и слишком хорошо знает, что значит жить с собственными решениями. Марк видит в Анне не просто целительницу, которая спасает даже врагов. И оба понимают, что между ними возникло чувство, которому, казалось бы, неоткуда взяться и которому нет места в их жизни. Чем ближе они к цели, тем яснее становится: иногда недостаточно любить человека, чтобы суметь его спасти.

© Громовская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Елена Громовская

Тот, кого нельзя любить

Глава 1

К четвёртому часу пополудни я перестала считать.

Не раненых, их считал писарь Горич, старательно, с кляксами, в журнале поступлений. Я перестала считать сколько у меня осталось сил.

Сколько ещё можно отдать, где та черта, за которой целитель сам ложится на койку и уже не встаёт.

Я подняла руку и посмотрела на пальцы. Тремора еще не было, но...

Черта была где-то близко. Я её чувствовала, как чувствуют сквозняк, что холодом скользит по спине. Мой холод скапливался где-то внутри.

— Анна Сергеевна, в третьей палатке кровотечение.

— Иду.

В третьей палатке брезент прохудился неделю назад. Когда шёл дождь, вода капала прямо на пол, рядом с койкой. Мы подставляли ведро, и звонкий стук капель о жестяное дно разносился по палатке, разбавляя тишину.

Воду никто не выливал.

Постепенно стук становился реже, потом стихал совсем. Вокруг ведра собиралась лужица, от неё между койками тянулись тонкие ручейки. Пока старик Дрозд не заходил, кряхтя, не забирал полное ведро и не ставил на его место пустое.

И всё повторялось.

Кровил парень лет двадцати. Над коленом остался обрывок жгута, наложенного слишком высоко и, пожалуй, слишком поздно. Бедренная артерия. Полевой фельдшер сделал что мог, но его самого вчера привезли с контузией. Он продолжал работать, потому что больше было некому.

Я перехватила край повязки, проверила жгут и положила ладони на бедро. Кожа была горячей, скользкой от пота и крови.

— Потерпи, сейчас станет легче, — прошептала я, хотя парень был забыт и скорее всего не слышал меня.

Пусть.

Я закрыла глаза.

Сила целителя — это не золотистый свет из пальцев, как рисуют на лубках или в детских книжках. Дар — это когда ты становишься источником. Сила идёт не откуда-то сверху или из мира, а изнутри, из тебя, из того тёплого дара, что отмерен человеку на всю жизнь. И ты делишься, вливаешь свою энергию в чужое тело, как воду.

Мой источник был почти пуст. Оставалась, может быть, треть.

Стенки сосуда сошлись, затворяя кровь. Я чувствовала, как края срастаются, как упрямый, злой, молодой организм подхватывает и доделывает сам — так бывает у двадцатилетних, они цепляются за жизнь зубами, и плевать что сознание где-то далеко.

Так даже лучше.

— Амулет на восстановление крови ему. И ногу вверх.

— Амулета нет, Анна Сергеевна. Закончились. Завтра должны привезти.

— Тогда ноги вверх, травяной настой и молитесь.

Я убрала руки и вытерла их о фартук. Ткань была цвета ржавчины — не столько от крови, сколько от речной воды, в которой мы его стирали. В речную воду сейчас стекалось всё, чем была заполнена долина: глина, железо, порох и то, о чём лучше не думать, когда пьёшь.

Спасибо богам, очистительные амулеты работали.

Вспышки дизентерии или тифа мы бы не выдержали.

Война шла уже третий год, и в этом году все почему-то говорили, что последний.

Разговоры шли с осени, с той самой распутицы, когда линия фронта в третий раз перекатилась через нашу долину — сначала на восток, потом обратно, потом застряла где-то за грядой и напоминала о себе вспышками, озарявшими небо — иногда легкими и короткими, а подчас долгими, изматывающими от напряжения и ощущения беды -- и обозами с ранеными.

Деревни выгорели и опустели. Поля ушли под снег незасеянными.

У излучины, где когда-то стояла мельница, развернули перевалочный пункт: раненые, пленные, карантинная палатка и мы.

«Мы» — это я, два фельдшера, четыре сестры, Горич с журналом и старик Дрозд, который был когда-то кучером, а стал всем сразу.

Целителей на всю излучину -- один. Я.

Я вышла, накинув косынку на голову, и прикрыла глаза ладонью, пытаюсь разглядеть что-нибудь сквозь серую муть. Дождь был не дождь, а водяная пыль: не лил, а просто висел в воздухе и за полчаса промачивал всё вокруг насквозь. Грязь под сапогами чавкала так, будто собиралась съесть мою обувь.

Возница даже не слез. Только повернул голову в мою сторону.

— Что?

— Осколочные, — сказал он. — Четверо. И ещё один...

Он помедлил, потёр нос рукавом и посмотрел куда-то за моё плечо.

— Там разберётесь.

Разберусь, куда я денусь.

Четверо осколочных. Двоим повезло: лёгкие ранения, я только поделилась силой, а дальше фельдшеры справились сами. Третьему я ничем не смогла помочь. Он умер на столе, пока я держала ладонь у него на груди и чувствовала, как под пальцами гаснет огонёк жизни.

Это всегда одинаково. Как будто в комнате за стеной уносят лампу: сначала отступают тени, потом приходит темнота, а потом ты понимаешь, что остался в комнате один.

Раньше я плакала.

Я закрыла ему глаза, записала время, сказала:

— Уносите.

И пошла мыть руки.

Вода в тазу давно остыла. Я тёрла пальцы, проводила ногтями по ладоням, но руки не отмывались. Под ногтями чернело, кожа в трещинах окрасилась бурым.

Я вспомнила, как в академии наш куратор, профессор Велецкий, говорил:

«Целитель, сударыня, обязан иметь руки чище совести».

Профессор Велецкий, видели бы вы сейчас мою совесть.

— Горич, неси мальчишку, — позвала Люба из-за ширмы.

Я вытерла руки о фартук и обернулась.

Четвёртым был мальчик.

Не солдат. Пацанёнок лет одиннадцати, из тех деревенских, что лазают по оставленным позициям собирать медь. Медь дорогая, её постоянно не хватает. А мальчишек в разорённых деревнях — сколько угодно.

Он лежал на носилках, вцепившись здоровой рукой в край одеяла. Левую кисть и предплечье разворотило осколком. Рукав рубахи пропитался кровью и прилип к коже. Бледное личико, только веснушки на переносице и щеках проступали сквозь грязь.

На груди у него лежал обезболивающий амулет. Камень едва светился — заряда оставалось на донышке.

Плохо.

Кисть я не спасла бы и в столичной клинике, даже с ассистентами и полным стазисом. Здесь, в палатке, при одной лампе и с третьей моего источника, это даже не обсуждалось. Да и обсуждать было не с кем.

Я проверила жгут выше раны. Кровотечение было почти остановлено, но пальцы у мальчика уже посинели, а повязка промокла насквозь.

— Жгут. Пилу.

Люба побледнела. На секунду её рука замерла над лотком, потом она отступила на шаг.

Я посмотрела на неё.

— Люба, пилу.

Она сглотнула и отвернулась к инструментам.

Мальчишка был в сознании. Он следил за мной снизу вверх, стараясь не смотреть на собственную руку. Потом всё-таки посмотрел и быстро отвёл глаза.

— Тётъ, а мамке скажут?

Он спросил деловито, почти сердито, будто я могла не понять, насколько это важно.

Я подтянула к себе столик с инструментами.

— Скажут. Дыши глубоко.

У нас обезболивающих амулетов осталось всего два и оба наполовину разряженные. На ещё одну операцию могло хватить, если повезёт. На такую — вряд ли.

Поэтому я сделала то, что делать категорически запрещали и в академии, и в госпитале, и вообще везде: влила свою силу не в тело, а в сознание — придавила, затушила, увела его в тёплую темноту. Это опасно. И мне, и этому вихрастому мальчишке, чью веснушки не дают мне успокоиться.

Мой дар опустел до донышка. Я почувствовала это как холод под грудиной, будто вдохнула зимнего воздуха и не смогла выдохнуть.

Мальчик перестал следить за пилой. Пальцы здоровой руки разжались, отпуская одеяло. Голова чуть повернулась набок. Я задержала ладонь у его виска, проверяя, что он просто спит и только тогда позволила себе выдохнуть.

Мой дар опустел до донышка. Я почувствовала это как холод под грудиной, будто вдохнула зимнего воздуха и не смогла выдохнуть.

Пилила я сама.

Люба держала лампу. Её рука дрожала, и свет ходил по столу, цеплялся за инструменты, скользил по мокрой от дождя ткани. Я перехватила её запястье свободной рукой и на секунду прижала к месту.

— Вот так. Не двигай.

Она замерла.

Руки не дрожали.

Молодец, Анна, подумала я отстранённо, истерики тоже уже закончились.

Культию я обработала, запечатала тем немногим, что ещё во мне было и влила остатки энергии. Будет жить. Без левой руки, в сожжённой деревне, в последний год войны — но будет.

Потом я вышла за палатку, упёрлась ладонями в колени и долго стояла так, глядя, как темные капли падают с моего носа в грязь.

Не плакала. Слез давно не было — они, наверное, тоже на силе работают, а у меня она закончилась.

Его привезли в десятом часу, уже в темноте, когда даже дождь устал идти, тучи разошлись и на чернильном небе показались звёзды.

Четверо солдат, унтер с неожиданно ярким золотистым фонарём в руке и мокрое, тяжёлое тело на дне повозки, накрытое шинелью.

— Куда? — устало спросил унтер.

— Что это?

— Не «что», а «кто», — унтер сплюнул в грязь. — Пленный. Имперский боевик.

Я подошла, забрала фонарь, не обращая внимания на то, как он удивлённо вскинул брови, и наклонилась над повозкой.

Мужчина лежал на боку, подтянув колени к животу. Видимо, замёрз по дороге. Тёмные волосы слиплись, на виске запеклась кровь. Левая сторона лица, та, что была обращена к свету, сплошь покрылась ссадинами. На скуле темнел свежий кровоподтёк.

Мундир с него содрали. Остались только исподнее и чужая шинель, пропитанная дождём.

А на запястьях...

На запястьях были кандалы.

Не железо. То есть железо, конечно, но поверх него шла гравировка — тонкая, частая, с вкраплениями серого металла, который добывали только в Северных рудниках.

Антимагические.

Я таких вблизи никогда не видела. Только на схемах в академии.

Я чуть повернула его руку, поднесла фонарь ближе. Гравировка уходила под внутреннюю сторону запястья. Контур под ней не просто блокировали — его давили, удерживали в тесном кольце, не давая развернуться. Я почувствовала слабый отклик даже сквозь металл.

Вот почему он лежал так неподвижно.

— Трое суток в беспомощности, — пояснил унтер.

Он стоял, сгорбившись и держась за борт повозки, и тоже смотрел на пленного. На рукаве у него темнела полоса грязи, а пальцы, вцепившиеся в дерево, побелели от холода.

— Велено доставить живым, дознание будет. А он, сволочь, помирать собрался.

Я присела на корточки и коснулась пальцами шеи пленного. Пульс был слабым, но ровным. Дыхание поверхностное.

— Снимите кандалы.

— Не положено.

— Он контужен. На нём блокада третьего уровня, она давит на контур. Я не смогу работать, если...

— Не положено, сударыня.

Унтер смотрел куда-то поверх моего плеча.

— Приказ. Хотите — пишите рапорт.

Я очень хотела написать рапорт. Ещё я хотела спать шесть часов подряд, горячую ванну, и чтобы война наконец кончилась. И чтобы мальчику в четвёртой палатке не пришлось отнимать руку.

Вместо этого я выпрямилась и вернула фонарь унтеру.

— Несите в карантинную.

Солдаты переглянулись. Один полез в повозку, другой взялся за край шинели. Пленного подняли неловко, и его голова безвольно качнулась. Я машинально подставила руку под затылок, чтобы не ударился о борт.

— Осторожнее, — попросила я.

Солдат посмотрел на меня, потом на пленного и перехватил его крепче.

Люба поймала меня у входа в палатку.

— Анна Сергеевна. Это же... Это же из-за них...

У Любы под Радомиром погибли двое братьев, и она имела полное право на ненависть и растерянность, что исказили ее лицо.

— Люба.

— Наши в коридоре лежат на полу! А ему койку? – Она сжала передник так, что побелели костяшки.

Я остановилась. Очень устала.

Когда я очень устаю, голос у меня становится ровным и тихим, это своего рода защита, чтобы не сорваться.

— Я лечу всех, — мерно проговорила я. — Не потому, что я добрая. Я не добрая, Люба, я отпилила ребёнку руку и даже не вздрогнула.

Люба открыла рот, но я не дала ей вставить слово.

— Я лечу всех, потому что иначе я перестану быть целителем и стану кем-то, кто решает, кому жить. А таких у нас по обе стороны фронта хватает, без нас

Люба отвела взгляд, разгладила передник, хотя складок на нём почти не было и вышла.

Воду она принесла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.